

*Осипов Валерий Андреевич,
4 курс бакалавриата Восточного факультета, кафедра истории
стран Ближнего Востока.
Научный руководитель: Победоносцева Кая Анжелика Олеговна
кандидат исторических наук
СПбГУ*

Особенности идейно-политического строительства Революционной организации тружеников Иранского Курдистана

Аннотация. В статье на основании партийных документов Революционной организации тружеников Иранского Курдистана – Комала предпринимается попытка провести анализ идейно-политического развития партии на рубеже 70-80-х гг. XX в. Исламская революция 1978-1979 гг. и Ирано-иракская война 1980-1988 гг. предоставили курдам возможность для того, чтобы по-новому заявить о своих требованиях и добиться существенных уступок со стороны центральных властей. Впоследствии поражение курдского национального движения было обусловлено, с одной стороны, историческими особенностями формирования курдского народа, а с другой – теоретической неразработанностью понятия курдского национализма, что объясняло неэтническую политическую ориентацию радикальных элементов малочисленного курдского среднего класса, в особенности образованной молодежи, которая без особых колебаний избавлялась от осознания своей этнической принадлежности и вступала в ряды марксистско-ленинских формирований, которые усилили свои позиции на курдской политической арене в рассматриваемый период. Влияние левых идей во многом способствовало тому, что курдские политические организации, в особенности Комала, сдвигали акценты с курдского этнического компонента на марксистские идеологические установки, создавая дополнительный источник фракционизма в среде курдских националистов.

Ключевые слова: Иран, Комала, курдское национальное движение, Иранский Курдистан, Ближний Восток.

Annotation. Based on the party documents of the Revolutionary Organization of Workers of Iranian Kurdistan – Komal, the article attempts to analyze the ideological and political development of the party at the turn of the 70-80s of the XX century. The Islamic Revolution of 1978-1979 and the Iran-Iraq War of 1980-1988 provided the Kurds with an opportunity to declare their demands in a new way and to achieve significant concessions from the central authorities. Subsequently, the defeat of the Kurdish national movement was due, on the one hand, to the historical features of the formation of the Kurdish people, and on the other – the theoretical lack of elaboration of the concept of Kurdish nationalism, which explained the non-ethnic political orientation of the radical elements of the small Kurdish middle class, especially the educated youth, who without much hesitation got rid of the awareness of their ethnicity and joined the ranks of Marxist-Leninist formations that strengthened their positions in the Kurdish political arena during the period under review. The influence of leftist ideas largely contributed to the fact that

Kurdish political organizations, especially Komala, shifted the emphasis from the Kurdish ethnic component to Marxist ideological attitudes, creating an additional source of factionalism among Kurdish nationalists.

Keywords: Iran, Komala, the Kurdish national movement, Iranian Kurdistan, the Middle East.

Несмотря на отсутствие однозначных данных об истории создания Революционной организации тружеников Иранского Курдистана – Комала, можно с уверенностью сказать, что организация, получившая название «Komalay Shoresheri Zahmatkeshani Kurdistan Iran», образовалась накануне Исламской революции. Согласно официальным данным, Комала была основана 26 января 1979 г. Тем не менее, Абдулла Мохтади, один из основателей и нынешний председатель партии, разъясняя официальную точку зрения, утверждает, что Комала как организация возникла еще за 9 лет до революции. Хусейн Морадбеги и Ирадж Фарзад, члены-основатели Комалы, впоследствии отколовшиеся от партии и вступившие в ряды Рабоче-коммунистической партии Ирана, оспаривают точку зрения Мохтади. По их словам, Комала была официально сформирована на Первом конгрессе партии, состоявшемся 26 января 1979 г., став преемницей основанной в 1969 г. организации Ташкилат. Последняя представляла из себя марксистско-маоистскую группу без какой-либо конкретной этнической принадлежности. У нее не было конкретной программы для Курдистана. Подчеркивалась маоистская идентичность Ташкилат, которая отличала партию как от Демократической партии Иранского Курдистана и Туде с одной стороны, так и от радикальной ОПФИН - с другой. Тем не менее, ряд исследователей считает, что Комала, будучи сформированной именно курдами, а также получившая курдское название и действовавшая на территории Иранского Курдистана, не является преемницей Ташкилат как в политическом, так и в структурном плане.

Безусловно, радикализм Комалы, ее претензии на роль знаменосца революционного марксизма не только в Курдистане, но и в Иране в целом, встретили ожесточенное сопротивление со стороны как курдских, так и некурдских оппонентов на иранской политической арене.

Ход событий 1979 г., а именно ввод войск в Курдистан в августе и захват американского посольства в ноябре, изменивший контуры теоретического и политического дискурса левых в Иране, также выявил слабость Комалы: оппозиция Народной партии Ирана (Туде) и Организации партизан-фиданов иранского народа (ОПФИН), а также радикальное неприятие исламского режима заставляли партию в большей степени делать ставку на ее этническую составляющую, тем самым еще более обнажая разрыв между радикальным коммунистическим и национальным дискурсом [8, p. 151].

Положение партии еще больше усугубилось с началом ирано-иракской войны 22 сентября 1980 г. С одной стороны, война способствовала значительному расширению материально-технической базы организации, с другой – борьба против исламского режима на стороне Ирака еще сильнее

подчеркивала ее этнический характер [9, р. 83]. Несмотря на рост популярности партии в Иранском Курдистане, ее возможности возглавить коммунистическое движение в Иране были ограниченными, и во многом это было обусловлено всплеском в стране иранского национализма, спровоцированного войной с соседним Ираком. В этой связи наблюдался процесс, суть которого заключалась в увеличении идеологического разрыва, а именно в существовании обратной зависимости между национальным и классовым дискурсом внутри партии [8, р. 151].

Спустя три года после образования Комала все еще испытывала данную проблему, ставшую одним из основных препятствий на пути к обретению статуса главного представителя интересов иранского пролетариата после II конгресса партии в марте-апреле 1981 г. В этой связи образование в сентябре 1983 г. Коммунистической партии Ирана, возникшей в результате слияния Комалы с Союзом борцов-коммунистов (Саханд) и Организацией борьбы за освобождение рабочего класса (Пейкар) стало важным шагом на пути реализации вышеупомянутой цели. Слияние двух групп коренным образом изменило баланс сил в партии, сдвинув акценты с курдского этнического компонента на марксистские идеологические установки, обозначив тем самым конец непосредственного участия Комалы в решении курдского вопроса. Кроме того, массовые репрессии исламского режима 1982-1983 гг. против идеологического врага – Туде – выступили катализатором сближения Комалы и вышеупомянутых левых организаций, последующее слияние которых было вызвано теми же причинами, которые привели к сближению и, фактически, поглощению Демократической партии Иранского Курдистана (ДПИК) со стороны Туде в 50-е гг. XX века [8, р. 152].

Основанию Комалы предшествовало создание в Иране небольшой группой курдских студентов подпольной маоистской организации. Эти студенты, впоследствии составившие основное ядро Комалы (членами-учредителями, принявшими участие в Первом съезде Комалы, были Фуад Мустафа Солтани, Мухаммад Хусейн Карими, Абдулла Мохтади, Тайеб Аббас Рух Иллахи, Мохсен Рахими, Ибрагим Ализаде, Саййид Ватандуст, Хусейн Морадбаги, Омар Ильханизаде и Ирадж Фарзад), были вдохновлены событиями конца 60-х гг. XX в., которые привели к формированию леворадикальной группы Комала Ранджбаран в иракском Курдистане. Подобно руководству Комала Ранджбаран, которому они во многом подражали, основатели курдской маоистской группы придерживались идей, вдохновленных учением Мао и его интерпретацией марксизма в эпоху борьбы между СССР и США за глобальное господство в мире. Иран, с их точки зрения, был полуфеодальной и полуколониальной страной, прошедшей стадию демократических революций, характеризуемых народной борьбой за освобождение от империалистического господства и феодальной эксплуатации.

Вскоре после революции 1978-1979 гг. руководство Комалы решило отойти от радикальных положений маоизма периода становления группы, отказавшись, таким образом, от ошибочной и устаревшей характеристики

Ирана 1970-х гг. как полуфеодального и полуколониального государства. Но это изменение не повлияло на популистский характер дискурса партии в сельской местности. В политических заявлениях организации, пусть немногочисленных и нечастых, а также в публичных речах и выступлениях ее молодого руководства, по-прежнему преобладали лексика и образы, которые были присущи радикальным идеям маоизма, основной акцент которых делался на вопросы социально-экономических отношений в курдской деревне. Фактически популистские поиски социально-экономического равенства в курдской деревне формировали непростую взаимосвязь между классовой и национально-освободительной борьбой в политическом дискурсе Комалы: курдская принадлежность определила границы классовой борьбы, которой была придана отчетливая этническая окраска, что значительным образом подорвало ее претензии на статус главного выразителя идей классовой борьбы за пределами Курдистана. Лишь на II съезде руководство Комалы попыталось занять критическую позицию по отношению к маоистскому популизму, вновь заявив о своей приверженности созданию социалистического общества под руководством иранского пролетариата. Таким образом, популизм здесь определяется как отклонение от истинного марксистского пути и объясняется влиянием ревизионизма и теории трех миров Мао Цзэдуна. Разрыв с маоизмом завершился на Третьем съезде партии, когда организация подтвердила свою классическую или «ортодоксальную» марксистскую идентичность [3].

Эта этническая окраска, хотя и являлась основной причиной быстрого роста популярности и обретения легитимности партии среди курдской общественности, помогая ей провести четкую демаркационную линию с некурдскими марксистскими организациями в политической сфере, вскоре стала камнем преткновения для основной части руководства, которая отвергала ее объединяющую силу как препятствие на пути к достижению иранской пролетарской идентичности Комалы. Линия, направленная на диверсификацию этнического фактора, продолжала сохраняться в дискурсе партии, воплощаясь в попытках подчеркнуть революционно-марксистский характер организации. Для региональной организации, основное ядро которой составлял курдский элемент, это было равносильно медленному самоуничтожению, которое достигло своего апогея в трансформации партии в Коммунистическую партию Ирана в 1983 г. [4, p. 164].

Тем не менее, национальная идентичность Комалы сыграла решающую роль на этапе становления партии. С одной стороны, курдский компонент позволял говорить о Комале как о радикальной альтернативе ДПИК на политической арене Курдистана. С другой стороны, он выделял партию и противопоставлял ее другим иранским марксистским организациям, действующим в Курдистане. Комала имела огромное преимущество в вопросе вербовки местных жителей. Конечно, это создавало огромный разрыв между теоретическими основами партийного дискурса и практикой. Данный разрыв наиболее ярко проявился в двух основных, но в то же время взаимоисключающих друг друга политических целях Комалы: формировании подлинно революционной коммунистической партии, которая бы

представляла интересы иранского пролетариата, с одной стороны, и обеспечения автономии для курдского народа – с другой.

События, связанные с консолидацией коммунистических сил в Иране после захвата американского посольства 4 ноября 1979 г. и последующей отставкой временного правительства во главе с Мехди Базарганом 6 ноября того же года, убедили руководство Комалы в необходимости искоренения внутрипартийного разрыва между теорией и практикой [7, р. 382]. Решающим фактором в этом отношении стало стремление лидеров партии идеологически отмежеваться как от ДПИК в Курдистане, так и от некурдских марксистских организаций в Иране в целом, что включало в себя необходимость в переоценке роли национальной буржуазии в борьбе за курдскую автономию и переосмыслении характера политической власти в Исламской Республике. В резолюциях II съезда Комалы в марте-апреле 1981 г. признавалось, что позиция партии по вышеупомянутым вопросам была ошибочной и отклонялась от идей классического марксизма. Это отклонение, как далее указывалось в документе, главным образом было связано с популистским восприятием ленинского дискурса об империализме (здесь подразумевается делающийся в трудах В. И. Ленина (1870-1924) акцент на антиимпериалистические национально-освободительные движения), которое преобладало в идеологической позиции партии на ее начальном этапе. Таким образом, был сделан вывод, что Иран является капиталистическим государством, а исламский режим – буржуазным институтом, цель которого – обеспечить капиталистам условия для получения сверхприбыли.

Несмотря на все попытки преодолеть внутренние противоречия, руководство Комалы не раз возвращалось к этому вопросу в течение следующих нескольких лет. Хотя убедительные заявления о примате классовой борьбы над народно-демократическими противоречиями и упор на буржуазный характер исламского режима способствовали созданию благоприятной почвы для противодействия другим коммунистическим силам, они едва ли привели к искоренению популистского характера политического дискурса партии. Тот факт, что Комала защищала программу региональной автономии, оперируя марксистскими классовыми категориями, означал, что именно курдский этнический фактор определял и устанавливал рамки этих категорий. Кроме того, с учетом того факта, что Комала разделяла оппозицию ДПИК антиимпериалистической консолидации левых сил, ставшей возможной благодаря деятельности Туде, а также с учетом ее неприятия позиции НПИ по отношению к исламскому режиму, апелляция партии к примату классовых противоречий над национальными не воплощалась на практике – противостояние с ДПИК продолжалось именно на национальной почве, с использованием прежнего популистского дискурса [5].

II конгресс Комалы не разработал программу автономии, которая соответствовала бы притязаниям партии на «марксистскую ортодоксальность». Резолюции II съезда Комалы были наполнены различными фразами, восхвалявшими курдское революционное и демократическое движение сопротивления против правящей буржуазной

диктатуры в Иране, однако не содержали какого бы то ни было комплексного анализа целей и задач организации в регионе. В то же время в резолюциях сделали акцент на «ограниченность» курдского движения, осуждая его «за классовую разрозненность» и, следовательно, «неспособность быть агентом преобразования производственных отношений и победы пролетариата». Сообщается, что это было «оборонительное движение», неспособное превратиться в общенациональное. Таким образом, в результате анализа причин возникновения курдского национального движения был сделан вывод о том, что оно лишено какой-либо политической автономии и подчинено историческому процессу развития пролетарского движения в Иране.

Причина, лежавшая в основе социально-политической «ограниченности» курдского движения, а также причина его быстрого возрождения после Исламской революции приписывалась политической и организационной слабости иранского пролетариата. Это означало, что подавление курдской идентичности не было историческим следствием господства центральных властей над курдской общиной в Иране. Фактически, положения II конгресса Комалы отрицали не только курдскую автономию в теории, но и ее существование как историко-политический феномен в Иране. Борьба с курдской самобытностью и, как следствие, возникновение курдского вопроса совершенно второстепенны в истории формирования и развития современного государства в Иране.

Исторически курдский вопрос является следствием консолидации и формирования национального государства и национальной идентичности в Иране [1, с. 74]. Именно этот аргумент является центральным в вопросе борьбы курдов за свои права и автономию от центра. Отсутствие этого аргумента в положениях резолюций II конгресса партии полностью стерло историческую специфику национально-освободительного движения курдов Ирана, создав тем самым ряд непреодолимых проблем в дискурсе Комалы.

Причина такого подхода руководства Комалы к курдскому вопросу, а также полного игнорирования его исторической специфики заключается в стремлении создать подлинно революционную коммунистическую партию, которая бы консолидировала иранский пролетариат на борьбу с исламским режимом. Решение курдского вопроса при этом проистекало бы не за счет обеспечения национально-демократических прав курдского народа, а за счет реализации социалистической программы во всем Иране.

II конгресс Комалы создал благоприятную почву для реализации решений, принятых уже на III конгрессе в апреле-мае 1982 г., когда подавляющее большинство делегатов проголосовало за прекращение деятельности организации и создание Коммунистической партии Ирана, которая вела бы иранский пролетариат к коммунизму – шаг, который фактически оказался не чем иным, как политическим самоубийством. Создание Коммунистической партии Ирана в 1983 г. никоим образом не искоренило влияние курдского элемента, который продолжал угрожать пролетарскому характеру организации. Идеологическая сплоченность внутри новой Коммунистической партии была подорвана растущим разрывом между

общенациональной (иранской) основой ее политического дискурса и превалированием провинциальной (курдской) арены ее практической деятельности. Это противоречие оставалось центральным элементом идеологических споров, политических конфликтов и расколов, сопровождавших развитие Коммунистической партии Ирана с момента ее создания в 1983 г. и до настоящего времени.

В резолюциях, принятых на III конгрессе Комалы, заявлялось, что национальный гнет был частью неприкрытого буржуазного гнета в иранском капиталистическом обществе, и он может быть искоренен лишь посредством осуществления социалистической революции. Таким образом, национально-демократическая и классовая борьба были неотъемлемой частью революционного процесса, который должен был проходить в два последовательных этапа: народно-демократический и социалистический. Считалось, что активное присутствие Комалы на курдской политической арене являлось достаточным для того, чтобы задать революционное направление народно-демократической борьбе на первом этапе. Следующий этап, социалистический, требовал создания подлинно пролетарской партии, которая бы выступила в авангарде революционного коммунистического движения в Иране. Таким образом, именно представление о Комале как средстве создания революционной коммунистической партии иранского пролетариата являлось определяющей чертой, которая отличала организацию как от ДПИК, так и от некурдских марксистских организаций на политической арене Ирана.

Подобный редуccionистский подход к курдскому вопросу обуславливал его ошибочность, обнажая заблуждения руководства партии относительно исторического процесса формирования национального государства в Иране в целом и характера политической власти уже в Исламской Республике, в частности. КПИ не уделила должного внимания потенциалу исламского политического дискурса, его способности обеспечивать интересы и выражать требования иранского народа, а также использовать их для укрепления своих позиций в стране [6, p. 128]. Ничего также не говорится об идеологической функции исламского политического дискурса, его организационном и мобилизующем эффекте, который обеспечил господство исламского духовенства практически во всех сферах после революции 1978-1979 гг.

Концепция курдского вопроса, воплощенная в резолюциях III конгресса, оказала решающее влияние на создание «Программы курдской автономии», одобренной IV конгрессом Курдистанской организации Коммунистической партии Ирана – Комала [Кумала с̄азм̄ан-э кордэстан-э һэзб-э комуніст-э ир̄ан], прямой преемницей Комалы, о создании которой было также объявлено на III конгрессе партии в апреле-мае 1982 г. (впоследствии именно под этим названием Комала стала частью Коммунистической партии Ирана, образованной 2 сентября 1983 г.). Программа выражала приверженность принципу национального права на самоопределение, который, однако, в характерном редуccionистском ключе связывался с победой

социалистической революции в Иране [2]. Эта приверженность не была теоретически обоснована, она подрывала логическую последовательность дискурса партии и была вновь подтверждена на V конгрессе в марте 1985 г.

Список литературы

1. Агаев С.Л. Иран: рождение республики / С.Л. Агаев ; под ред. Р.А. Ульяновского. – М. : Политиздат, 1984. – 336 с.
2. Барнāmэ-йе кумала барā-йе худмохтārй-йе кордэстāн-э мосавваб-э конгрэ-йе чахāром-э сāзэмāн-э кордестāн-е хезб-э комунйст-э ирāн – кумала [برنامه کومه له برای خودمختاری کردستان مصوب کنگره چهارم سازمان کردستان – کومه له حزب کمونیست ایران – کومه له. Программа Комалы по достижению автономии для Курдистана, одобренная на четвертом конгрессе Курдистанской организации Коммунистической партии Ирана – Комала] : 01(02).1984. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hekmatist.com/Tarix/Congereh%204%20Komalaeh/xodmoxtari.pdf> (дата обращения 14.05.2021).
3. Кат'нāmэhā ва пайāmhā-йе мосавваб-э конгрэ-йе сэввом-э сāземāн-э энкэлāбй-йе захматкэшāн-э кордэстāн-э ирāн – кумала [قطعنامه ها و پیام های مصوب کنگره سوم سازمان انقلابی زحمتکشان کردستان ایران – کومه له. Постановления и послания, одобренные на третьем конгрессе Революционной организации тружеников Иранского Курдистана – Комала] : 04(05).1982. – [Электронный ресурс]. URL: https://iran-archive.com/sites/default/files/sanad/komale_kongereye_3_mosavabat.pdf (дата обращения 18.05.2021).
4. Bruinessen, M.V. Agha, Shaikh and State : The Social and Political Structures of Kurdistan / M.V. Bruinessen. – London ; New Jersey : Zed Books Ltd, 1992. – X, 373 p.
5. хэзб-э дэмокрāt: сусйāлйзм йā сармāйэдārй? [حزب دمکرات: سوسیالیزم یا سرمایه داری؟. Демократическая партия: социализм или капитализм?] : 21.12.1984. – [Электронный ресурс] // Пйшроу [پیشرو]. Газета «Пишроу». URL: https://iran-archive.com/sites/default/files/sanad/komale_pishrow_10_zamime_01.pdf (дата обращения: 19.05.2021).
6. Koohi-Kamali, F. The political development of the Kurds in Iran : pastoral nationalism / F. Koohi-Kamali. – New York : Palgrave Macmillan, 2003. – XVI, 248 p.
7. McDowall, D. A Modern History of the Kurds / D. McDowall. – London ; New York : I. B. Tauris, 2007. – XVI, 515 p.
8. Vali, A. The Forgotten Years of Kurdish Nationalism in Iran / A. Vali. – London : Palgrave Macmillan, 2020. – XVI, 238 p. – (Minorities in West Asia and North Africa).
9. Yıldız, K. The Kurds in Iran : The Past, Present and Future / K. Yıldız, T. B. Taysi. – London [etc.] : Pluto Press, 2007. – 134 p.